

Василий Иванович Немирович-Данченко

Суд людской

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Суд людской**

Скоро все крепко спали уже, только елисуец смотрел широко открытыми очами в бездонную пропасть неба, полного теперь ярко сверкающих звёзд. Молодой месяц давно скрылся за горы. В тёмной синеве раскидывался млечный путь. «Мостовую звёзд» зовут его лезгины. Вон красным блеском горит та, где в ожидании велений Аллаха пребывает Азраил, бесстрастный вестник смерти. Елисуец вздрогнул, глядя на неё. Не слетит ли отсюда завтра грозный ангел, чтоб поразить его... Разумеется, Хатхуа не даст ему пощады. С тех пор, как Курбан-Ага отдался русским, — между ними кровь... Елисуец давно понимал невозможность бороться с железным кольцом неприятеля, всё теснее и теснее стягивавшим его горы. Его султанство никогда открыто не враждовало с гяурами. Напротив, оно было на их стороне, но Курбан-Ага хотел, чтобы мир царил повсюду в горах. И недаром он ещё ребёнком был послан в Тифлис, как аманат — заложник. Его там приняли, как родного, отдали в семью генерала, который воспитывал мальчика. К сожалению, это продолжалось недолго! Аманатов через три года верну-

ли в горы, и Курбан-Ага опять попал в свою дичь и глушь, но уже ознакомленный с условиями иной, более заманчивой жизни... Так он и рос дома, душой и телом принадлежа партии, требовавшей примирения с русскими. Он даже ездил в горы, проповедуя всюду покорность войскам, стоявшим у Дербента, Кубы и на Самуре. Но он не имел успеха. Зато, во время этой поездки, в Кабарде он встретил девушку, которую полюбил. Думать, чтобы кабардинка, да ещё княжна, вышла замуж за простого елисуйского агу — дворянина, было бы безумием. Оставалось одно — похитить её. Курбан с товарищами ночью подкрались к её сакле, зажгли её и в то время, как народ кинулся тушить огонь, в суматохе и шуме ага со своими выкрал княжну, связал её, сунул ей в рот платок с влажной землёй, чтобы девушка не кричала, и, перекинув её через седло, кинулся вон из аула. Его никто не видел. Девушку долго считали сторевшей, пока не узнали, что она в елисуйском султанстве заперта в сакле у Курбан-Аги и стала уже его женою... Будь это с простым кабардинцем, — дело бы кончилось ничем. Курбан уплатил бы отцу

калым — столько-то быков, коз, лошадей, устроили бы пирушку, и всё оказалось бы в порядке. Но княжна принадлежала к владельческому роду. Тут только одна кровь могла стереть оскорбление. И вот, между двумя фамилиями началась истребительная война. Отец Курбан-Аги и брат его были убиты в одном из елисуйских ущелий... Дядя кабардинской княжны зарезан у себя в сакле братом Курбана. Сверх того, молодой и предприимчивый Курбан-Ага несколько раз отбивал стада у родных княжны и раз даже увёл целый табун чудных кабардинских коней и продал его русским в Дербент. Потом он и сам переселился в Дербент и стал участвовать, как русский милиционер, во всех набегах и горных экспедициях наших в Дагестан. Кабардинцы, бывшие уже в союзе с Чечнёй и лезгинами, добились, чтобы Курбан-Агу всюду объявили изменником. Теперь всякий, встретивший его, должен был убить елисуйца.

Вражда между Курбан-Агою и Хатхуа будет вполне понятна, если мы прибавим уже от себя, что украденная кабардинская княжна приходилась молодому предводителю партии

родною сестрою.

Ночь стыла. Ярче и ярче разгорались звёзды. Снизу доносился вой чекалок. Изредка похрапывали лошади да слышался отрывистый бред спавшего лезгина. Елисуйцу и в голову не приходило изменить клятве. К смерти, ожидавшей его завтра, он относился спокойно: «Кысмет!» [1] В книге Аллаха написано, что ему, Курбан-Аге, завтра умереть, и никто, значит, спасти его не может. Надо только встретить свою участь как подобает мужчине и джигиту, чтобы салтинцы не смели говорить, что в груди у елисуйца бьётся бабье сердце... А отчего же и не умереть? Он знает, что смерть его не останется не отомщённой. Дети его подрастут, в свою очередь изловят где-нибудь Хатхуа или его детей, и кровь омоемся кровью, так что душа его в горней обители возвеселится... Адат будет исполнен, и певцы в горах из рода в род, из поколения в поколение прославят его память. Старший сын Курбана — Амед и теперь уж хоть куда. Едва ли найдётся в горах юноша, равный силой и храбростью этому львёнку. Жаль одно, ему не удастся предупредить друзей русских. Пожа-

луй, набег Хатхуа разрастётся, как лавина. Из всех окрестных аулов к нему присоединятся всадники и воины, и на затерянные в горах крепостцы набросится уже громадная партия лезгин. А он должен был бы дать знать своим... Ну, значит, и на это не судьба!.. Ничего не поделаешь с нею.

От его смерти семья не потеряет несколько. У него отличная сакля в Елисуе. Русские его награждали щедро за службу.

Он недавно купил и в Дербенте дом. На днях покрыл плоскую кровлю его киром и велел разрисовать пёстрыми птицами потолок, а по стенам пустил красно-жёлтые узоры и зелёные листья. После его смерти вдова переселится туда. Ей будет спокойно... Значит, так угодно Богу. Она знает, что у него в углу двора, у конюшен, зарыт старый котёл с золотыми монетами. Будет на что воспитать младших детей и сделать их настоящими джигитами, а старший сын его и теперь уж славится по всему ханству. О нём и заботиться нечего.

Скорее бы только кончалась эта ночь.

На востоке стало светлей. Тёмная синева

неба там побледнела. Снизу потянуло ветром... Близок предрассветный час... Скоро день, а он ещё сном не подкрепил своих сил. Как бы завтра не показаться малодушным пред судом его врагов. Нет, они не должны видеть бледности на его лице, заметить дрожь в его руках. Надо заснуть.

Курбан-Ага спокойно завернулся в бурку, и через несколько минут ровное дыхание его слилось с дыханием врагов. Теперь здесь всё спало.

Когда кабардинский князь проснулся, за одной из гор уже раскидывалось розовое сияние. Он дотронулся до Джансеида, Селима и Хаджи Ибраима. Последний, как побывавший в Мекке, хотел было заунывно и печально запеть призыв к намазу, но Хатхуа остановил его.

— Пусть Курбан-Ага не говорит, что мы ему не дали выспаться перед смертью.

Скоро весь лагерь был на ногах. Лезгины расстилали намазлыки, становились на них, совершая омовение.

А Курбан-Ага спокойно спал.

Даже угрюмый Ибраим и тот одобритель-

но улыбнулся.

— Смелая душа у этого елисуйца! Посмотри, он спит, как дома у себя в постели.

Хатхуа сверкнул глазами и не мог уже сдержать себя, толкнул ногою Курбан-Агу.

— Вставай, Ага! Пора нам обоим предстать пред судом.

Тот разом вскочил на ноги, раскинул бурку, встал на неё и совершил намаз.

— Я готов, Хатхуа!

Лезгины выбрали тех, кто уже участвовал в боях с русскими.

«Почётные люди» должны были судить Курбан-Агу.

Хаджи Ибраим сел на большой камень, остальные разместились кругом.

Когда всё было готово, Ибраим громко прочёл молитву.

— Курбан-Ага, князь Хатхуа, — помните: между нами теперь невидимо присутствует ангел Аллаха. Всякую ложь, которая выйдет из ваших уст, — он запишет и передаст ему! Говорите правду, хотя бы вам грозила смерть. Помните, смерть не бесчестна, а ложь покрывает весь род стыдом. Лгать можно только

русским.

— Мне нет надобности говорить неправду, — встал князь. — Хатхуа не боится суда выборных.

Он подошёл к Курбан-Аге и положил руку на плечо ему.

— Я требую головы этого человека.

— Что он сделал тебе?

— Мне? До этого никому нет дела! За обиду я сам мщу, и не судьям выдавать мне врага! Между нами канлы!.. Но, видит Аллах, — во время газавата я бы забыл свои счёты. На это и потом будет много времени.

— Ты хорошо говоришь, князь! — услышалось в собрании.

— Я требую головы этого человека, потому что он изменил нам, потому что он служит русским, потому что, если бы ему удалось вчера убить меня, он бы поехал к ним и предупредил их об опасности. Спросите его самого об этом.

— Правду ли говорит князь, Курбан-Ага?

— Правду.

Ропот слышался кругом.

— Да неужели в тебе собачья душа, что ты

спас бы врага от газавата?

— Да! Потому что я клялся ему, я служу ему...

— Смерть, смерть! — вырвалось неудержимым криком из стоявших кругом рядов молодых лезгин.

— Молчать! — грозно обернулся к ним Хаджи Ибраим. — Здесь мы судим, а вы только слушайте и учитесь горскому адату и боевой правде... Курбан-Ага — повтори ещё раз: совершив свою месть, ты бы поехал...

— Да! — прервал его елисуец, — я бы сейчас же — у меня скакун лучше вашего — я бы сейчас, не теряя ни одной минуты, кинулся за Шах-Даг, на Самур к ширванцам и тенгинцам, — там стоят именно эти полки, и дал бы знать русским, что вы идёте на них...

— Смерть, смерть! — раздалось уже в рядах судей.

— Смерть ему суждена давно... Ещё на джамаатах, три года назад, он объявлен изменником... Дело не в том... Но смерть мы должны ему выбрать, только выслушав его. Говори, Курбан-Ага, сколько тебе заплатили русские за чёрную измену?.. За сколько золо-

тых ты продал родину и веру?

— Такой монеты ещё нет, чтобы купить меня! — гордо поднял на него горящий негодованием взгляд Курбан-Ага... — Русские мне, как всем служащим у них, платят жалованье, и, благодарение Аллаху, у меня отложено довольно, чтобы твоя сестра, — оглянулся он на князя, — после меня не знала нужды... Но за золото я не продаю души. У меня в роду таких не было... Вы хотите знать, чем меня купили русские?.. Я скажу вам... Потому что вы, глупые горные волки, не имеете понятия о том, что было вчера и что будет завтра, потому что вы, как листья под ветром, уносите туда, куда вас влечёт другая сила. Вы легковёрны, как дети, и поддаётесь злему уговору, как женщины... Вы сами не знаете, какой судьбе обрекаете родину. Слушайте меня... Мне было десять лет, когда меня привезли в Тифлис аманатом [2]... Ещё недавно этот город курился пожарищем. Персы не оставили в нём камня на камне... Всюду стояли кровавые лужи, и под развалинами домов гнили десятки тысяч мертвецов. По улицам бродили шакалы и волки: они одни жирели от лёгкой добычи.

Шах оставил им довольно трупов. Крутом была пустыня: деревни сожжены, жатвы вытоптаны, виноградники и сады вырублены... И вот пришли русские, и точно чудом каким-то, среди запустения и развалин поднялась новая жизнь — выросли улицы, заблистали дворцы, зазеленели сады, раскинулись виноградники, и нивы стали радовать сердце народа, не знавшего до тех пор, что такое безопасность. Отовсюду из горных пустырей, из лесных дебрей возвращались, как рассеянные стада, бежавшие; скоро, ещё недавно покрытые кровью, Грузия и Кахетия закипели мёдом и молоком... Когда мы ехали в заложники, наши матери оплакивали нас. Они думали, что нас зарежут на главной площади перед идолами!.. Прости им, Аллах, их невежество!.. В лучшем случае, родные предполагали, что нас заставят молиться их Богу и перейти в их веру... Что же мы увидели?.. На Майдане вся изукрашенная стоит наша мечеть, другая на Авлабаре... третья — посреди русского города... Муллы почтены, как и русские священники... Ни в семье, где я жил, ни в школе, где я учился, никто не корил меня

моей верой, никто не говорил о том, что русская лучше. Я ни разу не слышал предложения изменить Аллаху и его пророку, да будет имя его священо во веки веков! Я видел, что русские содержат школы для мусульман, и имамы в них невозбранно учат детей нашему закону. Я видел, что в войсках у русских служит много магометан, и никто не делает разницы между ними и христианами. Я видел татар между генералами, мусульман-начальников, строго командовавших офицерами христианами, и тогда впервые я понял, что такое русская власть, и научился уважать её... «Но это большой город, там, может быть, они делают это для показа». Признаюсь, эта мысль и мне приходила в голову. Тем не менее, уезжая домой, я плакал... Семья, принявшая меня, как родного, — тоже... Когда я вернулся в горы, — мне показалось, что я попал в ад. Но я был добрым елисейцем... Обращаюсь к тебе, мой кровный враг, князь Хатхуа: кто меня может упрекнуть в трусости?

— Никто! — громко произнёс кабардинец.
— В жестокости?..

— Никто!..

— В подлости?..

— На твоей памяти нет этого... Свидетельствую...

— Отказал ли я кому-нибудь в гостеприимстве?..

— Никому...

— Не делился ли я с нищими, не одевал ли нагих, не кормил ли голодных?..

— Да, да, да!

— Изменял ли я слову своему?..

— Нет...

— Совершал ли я верно все обряды моей веры? Не выстроил ли я в Елисуе мечеть? Не дал ли золота на школу муршиду Али-Ходже?

И когда князь подтвердил всё это, Курбан-Ага поднял голову к уже сиявшему утренним блеском небу и торжественно проговорил:

— Аллах, о, Аллах! Ты слышал свидетельство врагов моих. Вспомни его, когда через час душа моя предстанет пред твоим вечным престолом. — Итак, судьи, я вернулся в горы и был добрым мусульманином и добрым елисуйцем. И вот, когда я ещё раз и уже навсегда

уверился, кто такие русские, они заняли Кубу, все линии Самура, вокруг Шах-Дага их казаки поили своих коней в горных реках и потоках. На стене Искендера великого в Дербенте давно уже развевалось их знамя. И всюду, всюду, куда они приходили и где оставались, — развивались ремёсла, цвела промышленность, начиналась торговля. Всюду вырастали сады, украшались аулы... Сознание безопасности заставляло людей думать о завтрашнем дне, и горцы богатели. Наши мечети загорели позолотой, купола их, как твоя чалма, ходжа, покрылись зелёной эмалью. С конца в конец задвигались караваны. Чем были мы — елисуйцы? Последними из последних! Теперь мы, — гордо возвысил он голос, — первые из первых в горах. Труд и богатство широкою рекою льются за их полками. Они ничего не отнимают, — они платят за всё... Их суды справедливы, как враги, — они великодушны... Посмотрите на жалких персов, на этих презренных собак, которых у нас резали, как баранов. Они выстроили громадный базар. Кто был в Баку, Ленкорани, пусть спросит их, где лучше: под отеческой сенью шаха — крово-

жадного тирана, — срубившего столько голов, сколько не было часов во всей его жизни, или под строгим управлением русских? И они покажут вам свои дома, полные, как золотая чаша, из которой сладкий напиток уже льётся через край... У себя в Иране они живут, зарывая деньги, как нищие, в смрадных лохмотьях, в проказе, в грязи, в руинах... Им страшно показать богатство, потому что шах отнимет его; — здесь они, как цветы — красуются яркими одеждами, как пёстрые птицы блистают светлыми крыльями и перьями... Так всюду, куда приходят русские... Храбрые и великодушные враги, справедливые судьи, мудрые правители... Служу им, как людям, которые — дадут нам покой, счастье, богатство...

— За наше рабство? — спросил его Ибраим.

— У них нет его для нас.

— Мы предпочитаем остаться свободными горными орлами; лучше тощать на наших скалах, чем жиреть в их хлевах и закутах. Нам нужна наша воля, как коршуну нужен простор, как ветру — ущелья, через которые он пролетает, что... говорит Курбан-Ага в своё оправдание ли он?[3]

Из судей встал седой старый лезгин... Его приняли в джигиты, потому что, по обету, он должен был умереть в бою с неверными.

— Курбан-Ага! Во имя Аллаха, скажи нам, клялся ли ты на Коране служить им... гяурам?

— Да, клялся...

Старик сел и задумался... Остальные молчали тоже. Седой лезгин заговорил опять.

— Он изменник, потому что служит русским... Но если бы он не служил им, он был бы тоже изменником, ибо он клялся на Коране и призывал священное имя пророка... Как выйти из этого?..

— Позволено ли будет мне, младшему между вами, подать своё мнение? — тихо спросил, наклоня голову, кабардинский князь.

— Говори, сын мой.

Хатхуа положил руку на плечо Курбан-Аге.

— Во имя Аллаха и пророка его Магомета требую для моего и нашего общего врага Божьего суда!..

Одобрительный ропот пронёсся по собранию...

Лица судей просветлели...

— Божий суд... Божий суд...

Оглядев всех и убедясь, что таково общее мнение, Хатхуа вынул кинжал и бросил его на землю, снял пистолеты и с ними сделал тоже и подошёл опять к Курбан-Аге.

— Курбан-Ага, вызываю тебя на Божий суд... Да даст Аллах победу тому, кто прав, и да уничтожит виновного... Прости мне смерть твою, как я вперёд от всего сердца прощаю тебе свою.

Курбан-Ага подал ему руку.

Они быстро обнялись.

— Да будет, да будет, да будет! — крикнули хором присутствовавшие.

Теперь Курбан-Агу и князя Хатхуа развели в разные стороны...

Примечания

1

Так суждено!

[^^^]

2

Аманат — заложник. Таких брали из влиятельных семей, чтобы народ не подымался против владычества русских.

[^^^]

Часть предложения пропущена из-за дефекта сканирования.

[^^^]